

Александра Ильинична

Фомина

sarasin@yandex.ru

ГРЕХ

Посвящается моему прадеду Колотилову Павлу Петровичу и прабабушке Колотиловой Павле Николаевне.

Хороши луга в междуречье Волги и Мологи. В весенний разлив на десятки верст водой покрываются. На такой земле трава так и прёт, аж до пояса к сенокосу вырастает. Поэтому ни клевера, ни других кормовых трав в Боронишине не сеют: не надобно. После сенокоса покрываются луга стогами, по сто пятьдесят - двести пудов каждый. Так и стоят они до зимы, пока их в деревню не вывезут.

Павел Петрович Колотиллов стогов не мечет. У него в хозяйстве большой сарай, куда он сено напрямки вывозит. Для трёх коров и овец с десятков. Лошадку нанимает, потому как своя не нужна: зимой на заработки в Петербург уезжает, приказчиком в молочно-рыбном магазине работает. Человек он корпулентный, солидный. Когда в жилетке и при часах за прилавком стоит, его за хозяина принимают.

Семья у Павла Петровича небольшая: жена Александра Николаевна да деток трое: два сына и дочь. Живут хорошо, степенно. По воскресеньям в церковь ходят. В двенадцатые праздники не только обедню, а и заутреню не пропускают. Александра Николаевна, когда муж в Петербурге работает, сама хозяйство ведёт. А уж если в тягости она, или еще какая потребность в помощи возникает, так младшая сестра Павла из Лацкого приезжает. Там у них дом большой и родни ни перечесть.

Всё бы хорошо при таком хозяине как Павел Петрович, да беда всегда дорожку к дому найдёт, коль захочет. Как младшему ребёнку двое годков минуло, Александра Николаевна хворать стала. Что ни час, то приляжет на пять минут. Круги под глазами чернеют, кусок в горло не лезет. Что за напасть – не понять. Всё перепробовали, не помогает. Повёз её в город Павел Петрович, в Мологу, к доктору хорошему, да так и привёз обратно. А ведь зима, питерская работа ждать не будет. Коровы с овечками без ухода мычат, дети малые по дому бегают. Тут и до пожара недалеко. Вот и перешла к ним Павла в дом жить, чтобы за сестрой и детками ухаживать, да хозяйство в отсутствие хозяина беречь.

Надеялись, что полегчает к весне Александре Николаевне, а оно наоборот вышло. Совсем слегла болезная. Лихорадит её, по полдня в беспмятстве лежит, всё тело ломит, а лицо белее снега стало. По всему сказать, уж бестелесный образ, а не жена.

Павла за всем успевает. И за сестрой лежачей присматривает, и дома прибирает. О скотине заботится, детей кормит, а на ночь им Псалтирь да Евангелие по славянскому алфавиту читает.

Придёт Павел Петрович с сенокоса, зайдёт жену проведать, погрустит вместе с ней и в горницу, где Павла сидит. Одежду детям шьёт и песню распевает «Шумел, горел пожар московский». Хорошо поёт. На Павла Петровича взглянуть напрямки не смеет. Сама не многословная, скромная. Смотреть не на что, в сравнении со старшей сестрой.

Прошло лето, ноябрь на дворе. Умерла Александра Николаевна, а у Павлы живот сам себя уж не скрывает.

Павел Петрович - человек богобоязненный. Само собой, венчаться им с Павлой надобно. Хоть и не хорошо после похорон, да Павлу Петровичу в Петербург, на зимнюю работу пора.

В Боронишино почитай сорок домов. Храм большой Богоявления Господня. Сто тридцать душ мужского населения и сто семьдесят четыре женского. Да ещё в окрестных деревнях до двух тысяч человек. Чего знают - о том не смолчат, а чего не знают – от себя придумают, да так, что Павла уж и носа из дома не кажет.

Пошел Павел Петрович к настоятелю, что б венчание назначить, а тот в отказ. Так, мол, и так, ты, конечно, Павел Петрович - человек уважаемый, да жил со свояченицей при живой ещё жене. Грех уж скоро на свет народится, нельзя тебя при таком раскладе венчать. Павел Петрович весь притч обошел. Двух священников, диакона, псаломщиков – со всеми поговорил, всех одарил, на храм довольно пожертвовал. Всё в пустую.

А дома Павла. Ничего не говорит, не плачет, а только смотрит на Павла Петровича, да живот свой руками придерживает. Задумался Павел Петрович. Уезжать ему надо, да негоже дело неразрешённым оставить. Поехал в Ярославль, к архиерею, разрешения на венчание добиваться. Бился, бился, не даёт согласие ярославский архиерей. К мирским властям пошёл. Неделю по канцеляриям аудиенции дождался. И те в отказ, не наше, мол, это дело. Ну что уж делать, не такой Павел Петрович человек, что б против закона идти иль на ухищрения какие пускаться. Вернулся домой и начал дальше жить так, как оно само идёт.

А оно так пошло: дочка у Павла Петровича народилась. Вера. Понёс её Павел Петрович крестить. Крёстным отцом церковного старосту пригласил, Василия Васильевича. Да не сообразил по первости, что незаконнорожденному отчество не по родному отцу даётся, а по крёстному. Вот и стала Вера не Павловной, а Васильевной.

Идёт по улице Павел Петрович, а местные кумушки случая не упустят, всё спрашивают у него: как, мол, доча твоя Вера Васильевна поживает. И на отчество особое ударение со смыслом прикладывают.

А делать нечего, живёт Павел Петрович в одном доме со своими законными детьми, с Павлой – невенчанной женой, с Верой – не отцовской дочерью. Хорошо живут, никогда меж собой не ссорятся и в доме достаток. Павла детей не различает, любит племянников как мать родная, а те её мамкой называют. По вечерам Павел Петрович семье рассказы юмористические читает, из журналов «Нива» и «Родина», которые он из Петербурга привозит, а в постные дни «Житие святых», иль другое что из Священного Писания. Всё хорошо у них, да только Павла одна по улице старается не ходить, всё больше по дому, при детях хлопочет, когда Павел Петрович в Петербург уезжает.

Еще двое сыночков-погодков у Павлы родились. С ними уж Павел Петрович по умному поступил. К одному в крёстные Павла Игнатъевича пригласил, приказчика знакомого из

Мологи, а ко второму Павла Павловича, брата первой жены. Чтобы отчество у детей по нужному пошло – Павловичи.

Отчество-то детям выправили, а жить по-правильному всё равно не получается: мужики Павла Петровича уважают, а вот с женским народом никак не сладить, проходу Павле не дают, недоброе про неё говорят, будто бы она сестру родную специально со свету сжила. А она, кроткая, ни словом, ни взглядом Павла Петровича не попрекнёт. Да только ему от того не легче, любит он её, жену свою вторую неприкаянную. Так бы и коротать Павле свой век в избе сидючи, да несчастье помогло.

В двух километрах от Боронишино, за рекой Пушмой большой лес. Монаховым зовётся, потому что монастырю Афанасьевскому принадлежит. Негде крестьянам леса для строительства поиметь, кроме как у монастыря его купить. Покупать - то покупали, но неохотно, а вот воровать – это уж испокон веков за греховное не считали. Летом по топям окрестным лес вывезти нельзя, окромя как через единственный мост у деревни Бабкино, а вот зимой по промёрзшей земле – милое дело, вези где хочю. Так и вывозили. А в ту зиму монастырь полесовщиков нанял. И попались боровишинские мужики на порубке, да чуть не всем селом. Что делать не знают. Придумали Павла Петровича из Петербурга вызывать. Человек он степенный, понятливый. Перед начальством говорить не робеет, и в грамоте, и в цифрах хорошо понимает. Подумал Павел Петрович и согласился тяжбу их с монастырём вести. Одно условие миру поставил: укоротить бабские языки насчёт Павлы его. Согласились мужики.

Только вздохнули, а уж младшим деткам в школу пора. Вера как Зайцева, под материнной фамилией в школу идёт. Девочка, чего с неё взять. А мальчикам, Павловичи которые, как такое унижение перенести? Два года из-за этого со школой тянули. Да дальше нельзя, учиться мальчишкам надо. Тем более, что смышлёные оба, и читать, и писать уж умеют, и арифметике их Павел Петрович учить начал.

В Петров пост поехал Павел Петрович со всей семьёй в тот самый Афанасьевский монастырь. На богомолье, к чудотворной Тихвинской иконе Божией Матери приложится. Шестеро деток с ним: трое от Александры, законные и младшеньких трое, от Павлы. Неделю в монастырской гостинице прожили. Павел Петрович и Павла ни одной службы не пропустили. Исповедовались оба о грехе своём неоднократно. Павла к игуменье Афанасии два раза ходила, просила поспособствовать, что б повенчали их. Трясёт головой старая игуменья. То ли трясушка у неё, то ли возмущение наружу рвётся. Опять ни с чем домой воротились.

Павел Петрович целый воз дров на обогрев школы пожертвовал, подарков учителю надарил, что б под своей природной фамилией мальчики учились. Как Колотиловы: Иван Павлович и Виктор Павлович.

Бабы про Павлу не судачут, привыкли уж, неинтересно безответную обижать. Работа в Петербурге у Павла Петровича хорошо идёт, да не отпускает их грех. Мальчишки с синяками из школы приходят. Бьются каждый день с однокашниками за то, что их «девкиными сыновьями» кличут.

Павла и раньше тихая была, а тут совсем замолчала. Сделает домашние дела и на колени перед иконой своей любимой встаёт, молится. Просит Толгскую Богоматерь за детей своих да за Павла Петровича, а весь грех на себя берёт. Уж давно Павел Петрович улыбки от неё не

видит, и песен не слышит. Придут они в храм, записки за здоровье семейства да за упокой Александры Николаевны подадут и стоят в уголке до конца службы.

Второго августа 1914-го, в Ильин день поехали всей семьёй в Мологу на праздник. Службу в соборе отстояли.

Народ собирается на крестный ход. Диаконы хоругви выносят. Только идти собрались, городской голова на трибуну выходит, царский манифест о войне читает. Только сказал слова, что в войне с немцами кровь русская проливается, вся площадь как один человек так и охнула. Потом крестный ход начался и речи патриотические.

Старшие сыновья Павла Петровича на фронт ушли. А Вера, Васильевна которая, замуж собралась за любимого из соседней деревни. Собралась, да не вышла: не захотела семья жениха незаконнорожденную в невестки брать. А старшая-то её сестра, что от Александры, уж три года как замужем живёт.

Павел Петрович зимой в Петербург приказчиком не поехал. Бойся Павлу одну оставлять после такой дочкиной обиды. А жить чем-то надо. Напрягся, справил себе лошадку - мерина буланого и стал монастырский лес на продажу в Мологу возить. Ох и упрям мерин Буланко. Только хозяину позволяет на себя хомут надевать. Зато уж сильный, такой воз тащит, что и двум лошадям не сдвинуть. А Молога-то в трёх километрах от Боронишино, так что Павел Петрович теперь каждый день дома ночует. Хорошо это, потому как смутное время вокруг началось.

Большевики, эсэры и кадеты митинги проводят. В Мологу, в Рыбинск приезжают, по деревням ходят.

Газеты всё про Распутина пишут. «Петроградский листок» в своём еженедельном приложении пикантные картинки представляет. То в бане Распутин с голыми девками – фрейлинами царицы, а то и сама вместе с ними намывается. И лозунги поперёк всего листка: Война до победного конца! И не только до победного, а до такого, чтоб и крест над святой Софией в Константинополе поставить.

В феврале 17-го пришла весть о свержении царя. Временное правительство положило всеобщие выборы в Учредительное собрание произвести. В Боронишино мужики только об этом и говорят. Собираются в церковной сторожке и спорят, как земельный вопрос решать. У кого кроме надельной земли ещё и прилески имеются, говорят, что земли помещичьи за выкуп передаваться должны, а кто победнее - за бесплатную передачу земли стоят, потому как крестьяне после отмены крепостного права и так помещикам с лихвой за землю переплатили.

Не одобряет Павел Петрович новых порядков. Пустое всё это, беспокойное. Не кончится добром. А уж что делать. На голосование всей семьёй пошли. Порешил Павел Петрович за эсэров голосовать, за пятый номер. Не нравятся ему большевики, под третьим номером которые. Рабочий класс везде первым продвигают. А что класс-то этот, от полочки до полочки живёт. Ни курёнка, ни избёнки своей не имеет. А про остальные партии и не понять ничего.

Проголосовали. Победила партия эсэров, а большевики Учредительное собрание разогнали и 25 октября свою революцию в Петрограде произвели, власть захватили. В ноябре в Мологу приехали, митинг на паровой пристани собрали, стол накрытый красным сукном посередине поставили. Матрос – председатель собрания объявил, что почта, телеграф и банк в Мологе заняты красногвардейцами, что комитет Временного правительства арестован, а

власть в городе передаётся членам большевистского совета, список членов которого зачитал и собравшимся утвердить предложил.

Быстро дела у большевиков делались. 12 декабря 1917 г они мир с немцами заключили, и старшие сыновья Павла Петровича домой воротились.

Женились, невесток в дом привели. Только Павел Петрович обрадовался такому увеличению семейства, планы начал строить на расширение своего ездого дела, а сыновья разделяться с ним надумали. Что ж, дело законное, да только оказалось, что они младших братьев своих единородных, Ивана да Виктора признавать за законных наследников не хотят. Так, мол, и так, не Колотиловы они, потому имущество при разделе нельзя на них рассчитывать. Павел Петрович аж лицом посерел, не ожидал такого удара из семьи. Посмотрел на сыновей долгим взглядом и вышел из комнаты.

Плохо в доме стало. Новые невестки Павлу за хозяйку признавать не хотят, шепчутся по углам. А стены в избе тонкие. Лежит Павла на кровати и слышит, как её детей незаконнорожденными называют, как смерти Павла Петровича ждут, что б всё наследство на двоих старших братьев разделить, потому как незаконнорожденным по смерти отца ничего не полагается.

Наслушались старшие сыновья своих жён, да в суд на отца подавать решили. На раздел имущества. Да только не понять, где он теперь, суд этот у новой власти, куда идти-то.

А тут новая большевистская власть в Боронишино Комитет деревенской бедноты назначила, хотя беднота там отродясь не водилась, хорошо все жили, даже зажиточно, можно сказать. И Совет крестьянских депутатов утвердили. А вместо деревенского старосты уполномоченный из Мологи приехал.

Пошли к нему старшие сыновья Павла Петровича со своим вопросом. Заявление написали на раздел. Тот принял и говорит, так, мол, и так, рассмотрим в предустановленном порядке.

Собрались через неделю: комитет деревенской бедноты и уполномоченный с депутатами. Пришёл Павел Петрович с Павлой и детьми их общими. А старшие сыновья с женами уж там, на отца волками смотрят.

Встал Павел Петрович и говорит, что взял в жёны сестру своей первой жены, что жил с ней в согласии и незаконной никогда не считал. А что венчаться им не разрешили, так это церковный грех и на настоятеля смотрит, который тут же, в собрании сидит.

Зашушукались возмущённо невестки, а уполномоченный начал постановление новой власти о семье и браке читать. А там-то... Павел Петрович ушам своим не верит. Церковные справки о незаконнорожденных детях отменены, брачные и внебрачные дети уравниены в правах, а церковный брак отныне по личному желанию производится и законной силы не имеет.

Не смог солидность удержать Павел Петрович, заплакал. Павла ни жива, ни мертва сидит. А старшие сыновья с невестками глаза на уполномоченного таращат. Понимают, что имущество надо на всех детей поровну по новому закону делить.

На том и разошлись. Вот оно как повернулось при новой власти рабочей.

Павел Петрович ждать не стал. Поехали они с Павлой в Мологу, зарегистрировали брак в новых гражданских органах. Документы Павле и детям выправили на отцову и мужнину

фамилию. А в воскресенье в церковь пошли, как законные муж и жена. На литургии прямо перед алтарём встали и к причастию первыми подошли.

Произвели раздел имущества. Получили старшие сыновья один земельный надел на двоих, две коровы, четыре овцы, двух осенних ягнят, сена, соломы, семенного зерна – ржи, пшеницы и овса в половинном количестве. В отдельном листе указали количество брёвен, жердей и кольев, которые им причитались, а также посуду чугунную и столовую, вплоть до чайных ложек. Ещё деньгами за дом, который за младшими детьми оставался.

Вера, которая теперь уж не Васильевной, а Павловной стала вышла замуж за любимого своего. Крепко он её любил, отказался по родительскому указу жениться, дождался её. Да и семья уж не противилась, приняла её в свой дом.

Павел Петрович на радостях затеял новый дом перестраивать, аккуратно перед Воздвижением. Плотников нанял, материала закупил, а на время работ с Павлой и младшенькими в сарай переехал. Спали на сене, а уж легкие морозы ночные начались. Заболел Павел Петрович, кашляет целый день, а плотникам помогает. А ведь седьмой десяток ему. На третий день паралич его свалил. Пролежал он месяц да и помер. Хоронили его всем селом, как и всегда в Боронишино, на местном кладбище, что за храмом Богоявления Господня. Павла на пятнадцать лет его пережила, непрестанно о детях и внуках заботясь.

Боронишино в начале 40-х под воду ушло при затоплении Рыбинского водохранилища, как и ещё семьсот деревень, два города, сорок церквей и три монастыря. Дом Павла Петровича, фамильный свой, Иван с Виктором разобрали, потому как добротный был и на другое место перевезли, повыше, где он еще лет пятьдесят простоял.

Колышется Рыбинское море, неглубокое и спокойное, с пологими берегами, поросшими травой и кустарником, хранит тайную память о былом на своём дне. Плавают рыбы над кладбищами без крестов и храмами. Над дорогами и заливными лугами. Прячутся сомы в подвалах домов, водорослями покрытыми. Крякает и клювом скрежещет серая цапля в укрытиях мёртвого леса, что из воды кое-где поднимается. Забывают люди о грехах, когда-то совершённых, но помнят о благодати, которая над ними простирается.

Конец.